СОЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РОССИИ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Ю.П. Зуев

Одно из примечательных явлений религиозной жизни России в завершающемся десятилетии — принятие крупнейшими централизованными религиозными объединениями доктринальных документов, где сформулированы их позиции в отношении к наиболее важным проблемам жизни современного общества и человека, их видение собственных возможностей в решении этих проблем. Начало положила Русская Православная Церковь (РПЦ). Юбилейный Архиерейский собор, состоявшийся в 2000 г., утвердил «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (далее: «Основы...»).

Принятие РПЦ социальной концепции послужило для других исторически укорененных в России религиозных организаций (за исключением буддийских) стимулом к разработке аналогичных доктринальных документов. Уже через год Совет муфтиев России (СМР) выступил с «Основными положениями социальной программы российских мусульман». В течение 2002–2003 гг. свои социальные концепции опубликовали Российский объединенный союз христиан веры евангельской («Основы социальной концепции РОСХВЕ»), Евро-Азиатское отделение Церкви христиан адвентистов седьмого дня («Основы социального учения Церкви христиан АСД России»). Этими религиозными организациями, с участием Российского союза Евангельских христиан-баптистов и Союза христиан веры евангельской пятидесятников в России, был выработан совместный документ — «Социальная позиция Протестантских Церквей России».

В декабре 2003 г. Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России (КЕРООР) опубликовал «Основы социальной концепции иудаизма в России». В августе 2010 г. увидела свет «Социальная концепция Евангелическо-Лютеранской Церкви Аугсбургского Исповедания» (ЕЛЦАИ).

Разработка и публикация социальных доктрин этими религиозными организациями — событие беспрецедентное за всю их историю. Фактически это первое, *свободное по внешним обстоятельствам*, изъявление их позиций по вопросам общественного развития, политических процессов в России, отношений с властью.

Что касается *внутриконфессиональных* обстоятельств подготовки этих документов, то они, как представляется, не были простыми. Разработчикам приходилось учитывать наличие противоречий в позициях различных групп клира, пастората, рядовых верующих и находить компромиссные решения. Об этом, между прочим, говорил митрополит Кирилл, представляя «Основы...» членам Архиерейского собора в 2000 г. В «Социальной позиции Протестантских Церквей России» сформулирована их *совместная* позиция. Положения, по которым между их представителями выявлялись расхождения взглядов, в текст не включались.

Не говоря о близости, а иногда и практически полном совпадении названий документов СМР, КЕРООР, ЕЛЦАИ и протестантов с документом РПЦ, они близки последнему и по структуре. Это понятно: и то, и другое в значительной степени обусловлено общностью предмета. Более того, порой они содержат довольно пространные текстуальные заимствования.

Председатель РОСХВЕ епископ С.В. Ряховский прямо признавался, что при разработке социальной концепции Российского объединенного союза ХВЕ широко использовалась социальная концепция РПЦ. «За полгода до принятия нашей социальной концепции, — сказал он в интервью корреспонденту “Независимой гезеты”, — я встретился с митрополитом Кириллом (Гундяевым) и спросил у него буквально следующее: «Как вы относитесь к плагиату? Мы внимательно изучили вашу социальную концепцию и пришли к выводу, что полностью с ней согласны по всем основным позициям. Создать что-либо другое в нынешних условиях невозможно. Разрешите нам взять за основу ключевые моменты вашей концепции» [НГ-Религии. 2002. № 10 (105). 10 окт. С. 5].

Таким образом, в очередной раз подтвердились лидирующая роль и авторитет РПЦ среди отечественных конфессиональных организаций.

Еще одно немаловажное обстоятельство. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» — документ института, представляющего

подавляющее большинство последователей православия не только в России, но и в других странах СНГ и Балтии, так сказать, всю «православную полноту» в пределах бывшего СССР. Другие рассматриваемые здесь социальные доктрины (за исключением церкви АСД), строго говоря, не могут выступать как выражение позиции *всех* Духовных управлений мусульман, *всех* иудейских организаций, *всех* протестантских союзов, *всех* объединений лютеран. В их разработке не принимали участие представители *других* управленческих структур соответствующих конфессий (вероисповеданий), и они со своей стороны никак не выразили к ним отношения. Естественно, это в определенной степени снижает их «репрезентативность».

Практически все социальные концепции, о которых идет речь, имеют предельно широкий адрес. Во-первых, это духовенство (служители) и верующие, признающие авторитет соответствующих духовно-административных центров. Для них эти документы призваны служить ориентиром и практическим руководством в отношениях с обществом и властями. (Насколько всерьез и глубоко они восприняты на «низовом» уровне, среди приходского духовенства, имамов и пасторов, стали ли они для них в действительности ориентиром и руководством к действию — вопрос важный, но определенного ответа пока не имеющий. Наш личный опыт общения со служителями различных конфессий приводит к предположению, что далеко не каждый из них хотя бы прочел социальную концепцию своей религиозной организации.) Во-вторых, социальные концепции обращены к гражданскому обществу, являющемуся средой жизнедеятельности религиозных организаций. Наконец (но не по значимости) — государство. Для общества и государственных органов эти документы — своего рода послания, раскрывающие социальные позиции религиозных организаций, а также предлагающие повестку для диалога и практического взаимодействия.

Появление «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» вызвало чрезвычайно большой общественный резонанс. Обсуждение документа прошло в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, в ряде федеральных округов, в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации и других государственных и общественных учреждениях; ему были посвящены аналитические материалы в журналах и т.д.[1]

Общая черта подавляющего большинства высказываний в отношении документа — их комплиментарный характер, обусловленный прежде всего самим фактом его создания. Социальные концепции других конфессий привлекли значительно меньшее внимание. В нескольких публикациях давался их сравнительный анализ[2].

Центральное место во всех концепциях занимает тема отношения конфессиональных организаций к общественно-политическим процессам, прежде всего в России, понимания ими своего места в жизни светского общества, их отношений с государством. (В концепции ЕЛЦАИ этим вопросам отведена половина документа.) Общими для них являются: позиция «непредпочтительности» какой-либо формы государственного устройства, законопослушности и повиновения власти, взаимного невмешательства государства и религиозных организаций в их внутренние дела, готовность к сотрудничеству с государством в различных сферах жизни общества.

Однако при отмеченных моментах общности (или сходства) позиций религиозных организаций, заявленных в документах, внимательное их

---

[1] См.: *Вениамин* (*Новик*), *игумен*. Социальное учение Православной церкви // Религия и право. 2000. № 5; *Мчедлов М.* Особенности конфессиональной социальной доктрины (К принятию «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви») // Религия и право. 2001. № 2; *Овсиенко Ф.Г.* Особенности формирования социальных доктрин православия и католицизма // Религиоведение. 2001. № 2; Основы социальной концепции РПЦ («круглый стол») // Социологические исследования. 2001. № 8; *Будов А.И.* Идея гражданского общества в социальном учении Православной Церкви // Религиоведение. 2006. № 1.

[2] См., например: *Мельников С.* Социальная программа российских мусульман: к партнерству и взаимопониманию // Религия и право. 2001. № 3; *Фолиева Т.А.* Государственно-конфессиональные отношения в социальных доктринах Русской Православной Церкви и исламских организаций России // Религиоведение. 2006. № 2; *Пчелинцев А.* Право на свободу совести в социальных концепциях религиозных объединений России // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 7; *Ананьев Э.В.* Роль синагоги в жизни России: особенности и перспективы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 1; *Он же.* Социальная доктрина мусульман: взгляд снаружи и изнутри // Там же. № 2; *Он же.* Социальные учения западно-христианских традиций: концепция возможности или программа необходимости // Там же. № 3.

рассмотрение позволяет выявить более или менее существенные различия. И это естественно. Хотя они живут и действуют в общей социальной реальности, воззрения каждой из них опираются на собственную вероучительную основу, каждая имеет специфический социально-исторический опыт существования, каждая занимает свое место в современном обществе, по-разному складываются их отношения с обществом и властью.

В вопросах о природе государства, его предназначении (задачах, функциях), об обязанностях перед ним граждан, о сферах возможного сотрудничества с ним религиозных организаций — при преобладании между концепциями близости точек зрения имеются некоторые различия[3].

Что касается понимания природы государства, то различия состоят в следующем. Точка зрения протестантов элементарна и однозначна: «Государство — институт, *установленный Богом* (курсив наш. — *Ю.З.*) с целью поддержания порядка в обществе»[4]. В православном понимании государство не является изначальной реальностью человеческого общежития: ему предшествовала эпоха *богоправления*, т.е. «подлинной теократии», однако обремененное грехом человечество, тяготясь Божественной опекой, стремясь к самоутверждению, возжелало иметь земного правителя, и тогда Господь предоставил людям возможность устраивать свою общественную жизнь, «исходя из их свободного волеизъявления»[5].

С точки зрения Ислама, государство является реализацией (воплощением) установленного Аллахом универсального принципа *Договора*, который лежит в основе как Его собственных отношений с людьми (вертикальный вектор), так и отношений людей между собой (горизонтальный вектор)[6]. Таким образом, РПЦ и СМР, в отличие от протестантов, не рассматривают *государство* как продукт непосредственно творческой воли Всевышнего, Который лишь обеспечил людям предпосылки, возможность его создания. Таким образом, понимание природы государства РПЦ и СМР свободно от сакрализации, что в принципе допускает в определенных ситуациях противление власти.

Общим во всех концепциях российских религиозных объединений является понимание задач государства — они сводятся в конечном счете к обеспечению жизнеспособности общества и человека. Но есть имеющий принципиальное значение момент различия. В «Основах...» РПЦ и «Основах...» КЕРООР выделяется *нравственный* смысл существования государства — ограничение зла и поддержка добра как внутри страны, так и в международных отношениях[7]. Протестантские лидеры и СМР делают акцент на *правовом* аспекте функций государства — обеспечении основных прав и свобод граждан, утверждении социальной справедливости и т.д.[8]

В вопросах о предпочтительности той или иной государственно-политической системы, формы государственного управления все религиозные организации декларируют нейтральность своей позиции. Лидеры протестантских церквей заявляют, что их церкви «могут существовать в рамках самых разных правовых систем и относятся к ним с подобающим уважением» (Социальная позиция... Гл. 7). СМР указывает на то, что «Ислам не предписывает народам какой-либо конкретной формы государственного устройства, оставляя это на усмотрение верующих граждан своей страны — в соответствии со сложившимися в ней традициями и политической культурой» (Основные положения... П. 7.2). В «Основах...» РПЦ подтверждается заявленная ранее Архиерейским собором (1994 г.) позиция о «...непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин» (п. III.7).

Однако декларации «непредпрочтительности» фактически обращены лишь к *современным* политическим реалиям — они есть признак того, что сегодня религиозные объединения действуют достаточно свободно в относительно свободном

---

[3] См. публикации Э.В. Ананьева в журнале «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом» за 2010 г. № 1–4.

[4] Социальная позиция Протестантских Церквей России. М., 2009. Гл. 4.

[5] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (далее: Основы социальной концепции РПЦ). М., 2008. Гл. III. 1.

[6] Основные положения социальной программы российских мусульман. М., 2001. П. 7.1 (Роль договора в Исламе).

[7] Основы социальной концепции РПЦ (п. III.2); Основы социальной концепции Иудаизма в России. М., 2002. Гл. 10.

[8] См.: Основные положения социальной программы российских мусульман (п. 7.3); Социальная позиция Протестантских Церквей России. Гл. 4.

государстве. Такое «вольномыслие» не было возможно ни в царской России, ни в Советском Союзе, где требовалась демонстрация безусловной лояльности действующей власти. Вместе с тем позиция «отстраненности» в данном вопросе стратегически целесообразна, так как в условиях разнонаправленности векторов развития государственно-политических систем на всем пространстве бывшего СССР, незавершенности процесса формирования институтов государственной власти было бы неосмотрительно солидаризироваться с определенной государственно-политической системой, тем более выдвигать тезис нелояльности. Принципиальные же позиции конфессий относительно должного (или приемлемого) государственно-политического устройства на самом деле не столь однозначны — они определяются их собственным социально-историческим опытом и имеют соответствующее богословское доктринальное обоснование. В рассматриваемых концепциях эти позиции или проявляются косвенным образом (как у протестантов и мусульман), или представлены напрямую и достаточно развернуто (у православных).

Хотя в социальной позиции протестантов и говорится, что их церкви могут существовать в рамках самых разных правовых систем, однако из того, какое значение в ней придается правам и свободам человека, вывод следует вполне определенный: они предпочитают демократическую форму государственного устройства. Тезис, содержащийся в документе СМР, о том, что этот вопрос в каждой стране решается «...в соответствии со сложившимися в ней традициями и политической культурой», констатирует лишь данность. Признавая таким образом социально-историческую обусловленность того или иного типа государственного устройства, авторы вместе с тем утверждают, что в любом случае «...*должны* быть гарантированы основные права и свободы человека... Народ имеет право *контролировать власть* (курсив наш. — *Ю.З.*), как минимум — с точки зрения соблюдения ею основных прав и свобод человека» (п. 7.2). Понятно, что при авторитарном, а тем более тоталитарном, режиме речи о «народном контроле» власти быть не может.

РПЦ, полагая, что форма и методы государственного правления «...во многом обусловливаются духовным и нравственным состоянием общества» (это перекликается с точкой зрения СМР), видит свое призвание не в инициировании некоей совершенной системы организации государства, а в том, чтобы главное внимание уделять «состоянию сердец своих членов». Чем выше религиозно-нравственная одухотворенность общества, тем совершеннее (глубже религиозно укоренена) форма государственности в нем. Таковым является прямое Богоправление через особо избранных Богом людей — судий и монарха, признаваемых как богоданная власть («Основы...» РПЦ. П. III.7).

Что касается обязанностей (долга) граждан в отношении к своему государству, то во всех рассматриваемых концепциях утверждается необходимость их законопослушания. Однако при этом нельзя не заметить различия между концепциями — в категоричности, в акцентировке и характере аргументации. Позиции общепротестантского документа и «Основ...» КЕРООР практически идентичны: верующие должны быть законопослушными гражданами, повиноваться законам своей страны, причем независимо от того, насколько они совершенны[9]. Остается, правда, неясным, что имеется в виду под «совершенством» или «несовершенством» законов. В документе РПЦ речь идет не о законах, собственно, но об отношении к государственной власти. При этом подчеркивается необходимость повиноваться ей «независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей», а также молиться за нее (п. III.2.). Если в указанных концепциях требование законопослушания, повиновения властям можно понимать как исполнение *гражданского* долга, то «Основные положения...» СМР рассматривают законопослушание, повиновение также и как исполнение *религиозного* долга (п. 7.2.) Данная позиция определяется общим принципом Ислама — нераздельности светской и религиозной сфер бытия.

Однако законопослушание, повиновение властям не является безусловным, а имеет определенные пределы. Такова общая позиция конфессий. Вопрос о лояльности власти ставится в зависимость от уважения (или неуважения) ею прав и свобод человека, прежде всего религиозной свободы.

Существенно и то, что темой прав и свобод, собственно, и начинается изложение социальных

[9] Социальная позиция Протестантских Церквей России. Гл. 4, 7; Основы социальной концепции Иудаизма в России. Гл. 12. (См. здесь сноску № 3).

концепций СМР и протестантских церквей. В них ей предшествует лишь вводная глава, посвященная их вероучительным основам. В доктринальном документе ЕЛЦАИ вопросы прав человека, по существу, занимают вторую половину текста. Это имеет принципиальное значение. Мусульмане и протестанты исходят из приоритета в социуме личности, а не какой-либо институции, в том числе государства. В отношениях человека с государством первичны права и свободы, ибо они «...установлены прямой волей Всевышнего Творца»[10]. Обязанности — производны. Последние должны соблюдаться в той мере, в какой обеспечиваются первые. Документ СМР указывает, что повиновение властям необходимо и оправдано, если законодательство защищает основные права и свободы человека (п. 7.2.) Данная позиция основывается на вероучительном постулате, общем для библейской и коранической традиции, о божественной природе человеческой свободы.

В «Основах...» РПЦ тема прав и свобод человека, естественно, присутствует, однако не является приоритетной. Аналогично ее положение и в документе КЕРООР. При этом, в отличие от мусульман и протестантов, рассматривающих вопрос о правах и свободах человека лишь в правовом аспекте, православные и иудеи свободу человека понимают прежде всего как его духовно-нравственное состояние, как добровольное следование Божией воле: «Где дух Господень, там свобода» (2Кор. 3: 17). Отступление от нее, своеволие есть грех, утрата свободы.

Свобода вероисповедания, свобода совести — существеннейшая сторона прав и свобод человека. В рассматриваемых социальных доктринах ей уделяется большее или меньшее внимание. Между ними существуют определенные различия в трактовке места свободы совести и вероисповедания в структуре свобод человека, в подходах к пониманию ее сущности (природы), к оценке ее роли в достижении верующим человеком своего конечного предназначения.

Наименьшее внимание этой теме уделено в социальной концепции КЕРООР. О свободе совести как таковой в нем речи нет вообще, отсутствует и сам термин «свобода совести». Что касается свободы вероисповедания, то о позиции документа по этому вопросу также впрямую не говорится. О ней можно судить лишь опосредованно — по тому, что в документе оценивается как неприемлемое требование закона, исполнение которого «предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха перед Богом и ближним...» (гл. 12).

Свободу совести и вероисповедания как одну из важнейших среди прав и свобод человека рассматривают СМР и лидеры российских Протестантских Церквей. С их точки зрения, она имеет *основополагающее* значение. Как сказано в документе Церкви Адвентистов седьмого дня, «Общество не вправе определять границы свободы совести личности. И свобода, и совесть присущи человеку от сотворения и составляют в нем образ Божий» (п. 5.3). СМР заявляет, что право на религиозную свободу «...является необходимым условием и средством добровольного вверения себя Единственному Богу и исполнения Его воли» (п. II.1), а потому уважение государством права человека на вечную жизнь выступает «...в качестве главного критерия при определении границ всех остальных прав и свобод, формулируемых обществом в терминах гражданского законодательства» (гл. II).

Смысл этого не вполне ясного пассажа, вероятно, заключается в том, что границы всех остальных прав и свобод не должны быть у́же, нежели это требуется для обеспечения реальной религиозной свободы. Но вместе с тем они не должны быть и слишком широкими, когда открываются возможности для аморальных поступков, произвола, анархии и тирании (см. гл. II).

Свобода совести в понимании протестантов объемлет всю совокупность свобод, связанных с убеждениями человека, т.е. свободу быть верующим или неверующим, выбирать или менять свою веру и т.д. В соответствии с этим выражается готовность защищать права тех, у кого они ограничиваются или попираются, даже если их мировоззрение отличается или чуждо им самим. Уважение права человека на свободу совести, терпимость по отношению к чужим убеждениям, толерантность — «лучшая профилактика всякого рода экстремизма», утверждается в документе российских протестантов (гл. 2). По сути такова же, хотя несколько более жесткая, и позиция СМР: иноверие и неверие — грех перед Всевышним, и согласно Корану их приверженцы будут вечно гореть в адовом огне (Коран. 98: 6). Однако «никто из людей не вправе присваивать

[10] Основные положения социальной программы российских мусульман. С. 9.

себе в этой жизни полномочия судить других людей за их религиозные убеждения» (гл. 2).

В «Основах...» РПЦ тема свободы совести и вероисповедания представлена несколько иначе. Во-первых, она рассматривается в некотором отрыве от темы прав и свобод человека вообще[11]. Во-вторых (что вытекает из первого), из области права переводится в религиозно-этическую сферу. Суть состоит в следующем. Если в свое время государство возникло как «инструмент утверждения в обществе божественного закона», то принцип свободы совести, ставший в XX в. юридической нормой, превращает государство в институт, «не связывающий себя религиозными обязательствами», а общество приводит к утрате религиозных целей и ценностей, делает индифферентным к «делу Церкви и к победе над грехом» (п. III.6), т.е. утверждение свободы совести есть свидетельство и результат религиозно-нравственного падения общества.

Но при этом в документе признается, что существует один момент, делающий свободу совести в современном секулярном государстве и полирелигиозном обществе оправданной: она позволяет Церкви иметь легальный статус, т.е. обеспечивает ей свободу религиозной деятельности. Таким образом, свобода совести не ущемляет Церковь. И это — хорошо. Но плохо то, что такой же свободой пользуются инаковерующие и неверующие слои общества.

Иудеи и мусульмане осторожны при определении допустимых мер защиты своих религиозных прав. С точки зрения КЕРООР, в конфликтной ситуации подобного рода «иудей должен открыто выступать *законным образом* (выделено нами. — *Ю.З.*) против безусловного нарушения обществом или государством установлений или заповедей Божиих» (гл. 12). СМР условием признания гражданами легитимности государственной власти считает гарантирование последней основных прав и свобод человека. Остается, однако, неясным, в чем может выражаться обоснованное непризнание ими ее легитимности. Согласно документу, мусульмане вправе «*рассмотреть вопрос* (?!) о выполнении своих обязательств по договору» (т.е. перед государством) лишь в чрезвычайной ситуации — в случае «прекращения действия институтов законной государственной власти и установления какого-либо политического режима, не соблюдающего основные права человека» (п. 7.1). Неприемлемость каких-либо протестных действий со стороны мусульман фактически подтверждается несколькими строчками ниже: «Неисполнение своих законных гражданских обязанностей, призывы от имени верующих и религиозных общин к участию в каких-либо акциях гражданского неповиновения и мятежа считаются в Исламе недопустимыми!» (п. 7.2). Судя по тому, что эта фраза выделена жирным шрифтом, она имеет особенно важное значение. Но при этом, к сожалению, смысл ее недостаточно ясен. Недопустимость призывов к гражданскому неповиновению имеет отношение к случаям, когда речь идет о злонамеренном провоцировании верующих к неисполнению своих законных гражданских обязанностей или к ситуациям, когда власть ущемляет законные права и свободы человека, включая свободу вероисповедания.

Чем можно объяснить такую непроясненность смысла этой фразы? Вряд ли она является результатом лишь стилистической погрешности. Скорее можно предположить, что она учитывает повышенную степень протестной возбудимости значительной части мусульман, в том числе обусловленной несправедливыми обвинениями (или подозрениями) их в экстремизме, особенно часто имеющими место в регионах, где они появились лишь в последние двадцать лет. Тем самым авторы документа стремятся предупредить «горячие головы» от экстремальных акций.

В других рассматриваемых здесь социальных концепциях вопрос о «пределах» законопослушания, лояльности властям предержащим ставится в не столь общем плане — акцент делается на том, не принуждают ли законодательство и государственная власть верующих к вероотступничеству или иным греховным поступкам.

Рекомендуемые руководством конфессий в таких случаях меры защиты верующими своих религиозных прав различаются. Наиболее радикальные исходят от РПЦ и протестантов: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя

[11] См.: Основы социальной концепции РПЦ. Гл. III: Церковь и государство; гл. IV: Христианская этика и светское право.

велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху»[12]; в общепротестантском документе говорится: «... если государственная власть, вопреки своему предназначению, принимает законы, запрещающие свободное богослужение и проповедь Евангелия или же побуждающие верующих к аморальным действиям (Деян. 4: 19), Церкви оставляют за собой и своими членами право поступать согласно своей совести и принципам, заложенным в Евангелии»[13]. В другом месте не исключается и крайняя ситуация, когда «...в случае невозможности законным способом отстоять свои права верующий, в согласии с собственной совестью, внутренними этическими нормами и убеждениями, может следовать своей вере, даже если это связано со страданиями ради Господа»[14]. По сути позиции РПЦ и протестантских церквей в данном вопросе идентичны. Единственное различие имеет место лишь в характере протестной акции. В документе РПЦ подчеркивается ее политико-правовой аспект — организованное гражданское неповиновение верующих, протестанты акцентируют личностный момент — страдания.

В самой этой общехристианской максиме нет ничего нового: ей испокон веку следовали подвижники веры. Однако ново то, что эта максима открыто продекларирована в официальных документах конфессиональных институтов — ей придана определенная легитимность, это своего рода «меседж» властям предержащим.

В вопросах об участии религиозных организаций, духовенства и рядовых верующих в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, в формировании этих органов, а также в отношениях с политическими партиями представленные в рассматриваемых концепциях позиции соответствуют Конституции Российской Федерации как светского государства, его законодательству. Что же касается рядовых верующих, то документы не содержат каких-либо ограничений (хотя бы рекомендательного характера), связанных с конфессиональной принадлежностью людей. В отношении самих религиозных организаций и их служителей конфессиональные установки более или менее различаются, отражая специфику канонических норм и традиций. В социальных концепциях РПЦ, протестантов, КЕРООР декларируются невозможность участия *конфессиональных институций* в избирательных кампаниях, а также официальная поддержка ими той или иной политической партии.

> *Основы социальной концепции РПЦ*: «Невозможно участие церковного Священноначалия и священнослужителей, а, следовательно, и церковной Полноты, в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, таких, как публичная поддержка участвующих в выборах политических организаций или отдельных кандидатов, агитация и так далее» (V.2).
>
> *Социальная позиция Протестантских Церквей России*: «В ходе предвыборных кампаний церкви остаются в стороне от политической борьбы, занимают нейтральную позицию. Кафедры, церковные богослужения не должны использоваться для предвыборной агитации» (гл. 5).
>
> *Основы социальной концепции Иудаизма в России*: «Невозможно участие синагоги в деятельности политических организаций или отдельных кандидатов, агитация и так далее» (гл. 13).

Что касается религиозных служителей («служителей культов»), то, хотя как граждане они имеют конституционное право не только избирать, но и быть избранными в представительные органы власти, участвовать в деятельности политических объединений, однако внутренними уставами конфессий они ограничены в этом праве. Подобная деятельность православных священнослужителей, протестантских пасторов признается несовместимой с их религиозным служением, ибо невозможно по-настоящему одновременно служить двум господам (Мф. 6: 24).

Данное ограничение продиктовано двумя соображениями. Первое — идейное: для священнослужителя недопустимо вовлекаться в политическую борьбу, в предвыборную конкуренцию, ибо его долг как представителя Церкви (синагоги) служить примирению и единству верующих. Второе — практическое: партийная или депутатская деятельность (тем более, что представительные органы власти действуют на постоянной основе) будет отвлекать от исполнения священнослужителем своих основных обязанностей. Об этом прямо сказано в Социальной позиции Протестантских Церквей России: «Священнослужители должны воздерживаться от любой политической деятельности и

[12] Основы социальной концепции РПЦ. Гл. III, п. 5.

[13] Социальная позиция Протестантских Церквей России. Гл. 4.

[14] Там же. Гл. 7.

уделять основное внимание своим обязанностям в церквах» (гл. 5).

У протестантов в подходе к данному вопросу есть существенная особенность: у них (в отличие от православных и католиков) отсутствует институт священнослужителей. Следовательно, если для православного духовного лица («носителя божественной благодати») данная ситуация однозначна и безусловна, то протестантский пастор имеет варианты: он может перейти на государственную службу, предварительно оставив свое церковное служение. Но за ним сохраняется возможность вернуться к пасторской деятельности после того, как он оставит государственную службу.

В документе СМР вопрос об участии мусульманских служителей в избирательных кампаниях, в политических объединениях вообще не рассматривается. Казалось бы, это логично, учитывая, что в исламе отсутствует разделение сакральной и профанной (мирской) сфер бытия человека. Однако, как оказывается, в действительности такие ограничения, по крайней мере в организациях, входящих в СМР, существуют. В интервью корреспонденту «Независимой газеты» накануне выборов в Государственную Думу в 2003 г. муфтий Равиль Гайнутдин заявил: «По нашим правилам никто из их (муфтиев. — *Ю.З.*) не имеет права баллотироваться на выборах или вести предвыборную агитацию в качестве духовного лица. Если кто-либо из имамов или муфтиев хочет выдвинуть свою кандидатуру на выборах, то ему придется снять с себя сан»[15]. Поскольку такой запрет не вытекает из вероучения ислама, можно полагать, что он продиктован соображениями практической целесообразности.

Признание конфессиями конституционного принципа взаимного невмешательства государства и религиозных объединений в дела друг друга, запрет, содержащийся практически во всех социальных доктринах для религиозных служителей, на *непосредственное* участие во властных структурах не означает, однако, их полную самоизоляцию от жизни общества. Все конфессиональные центры в своих документах приводят достаточно большие перечни направлений и сфер, где они считают полезным сотрудничество религиозных организаций с государственными органами. В основном эти перечни совпадают, но есть и некоторые характерные различия. Так, в «Социальной позиции Протестантских Церквей России» отсутствуют (в отличие от «Основ...» РПЦ): забота об охране памятников истории и культуры; попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений; противодействие деятельности псевдорелигиозных структур. Отсутствие этих направлений можно объяснить по-разному: одного — особенностями исторического опыта бытования протестантов в нашей стране, другого — присущей им пацифистской ориентацией, третьего — значением, которое они придают толерантности.

Пожалуй, общим для всех конфессий, хотя и в разной степени четко артикулированным, является дистанцирование от конкретных решений, текущей политики власти. Они признают за собой право *морального суда* в отношении ее деятельности. Как сказал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, выступая на Юбилейном Архиерейском соборе в 2000 г., «...отношения Церкви с государством можно назвать критической солидарностью», в рамках которой Церковь «...поддерживает власть во всяком добром деле, решительно противостоит попыткам ее ослабить, но одновременно возвышает свой пророческий голос, когда видит со стороны власти нравственно неоправданные поступки или бездействие в какой-либо важной области»[16].

В «Основных положениях социальной программы российских мусульман» ведущей идеей в выстраивании взаимоотношений мусульманских религиозных организаций с Российским государством и его органами служит *договор* как основополагающий принцип отношений между Всевышним и человеком, а также людьми между собой. Заключение общего договора СМР с федеральной властью и специальных договоров с отдельными министерствами и ведомствами, с субъектами Российской Федерации может, с точки зрения авторов документа, придать их сотрудничеству «...открытый и понятный для всех граждан характер. Такой договор создаст условия для устранения и предотвращения нарушений прав верующих» (п. 8.2).

Наряду с общепризнанными всеми конфессиями областями сотрудничества государства и религиозных организаций в социальной программе СМР

[15] НГ-Религии. 2003. 16 июля. № 12 (120). С. 3.

[16] ЖМП. 200. № 9.

более или менее определенно обозначаются проблемы, требующие правового или политического решения. Так, в осторожной форме затрагивается вопрос о возможности введения в российское законодательство отдельных элементов исламского права. Хотя, как сказано в тексте, этот вопрос «...самими мусульманскими организациями не инициируется», но уже факт обозначения его в документе свидетельствует о том, что он далеко не безразличен для верующих мусульман и со временем может потребовать законодательного решения. Симптоматично в этом отношении попытка создания шариатского суда в Петербурге в июле 2010 г. Правда, как пояснил ее инициатор Джамаладдин Махмудов, сам занимающийся адвокатской практикой, имелся в виду суд не в юридическом смысле, а «религиозный суд совести», решения которого носили бы рекомендательный характер[17]. Тем не менее, не исключено, что в мусульманской среде, особенно в регионах традиционного распространения ислама, будут усиливаться настроения в пользу организации таких судов.

Другая проблема — легализация многоженства среди мусульман. Отвечая на вопрос корреспондента «Российской газеты», президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров сказал: «У нас, в Чечне, женщин больше, чем мужчин. Но все они должны быть устроены в жизни. Многоженство разрешают наши обычаи, наша религия... Закона нет такого, но я всем говорю: у кого есть желание и возможность, надо брать вторую жену»[18].

Другой вопрос — о государственной символике[19]. В документе указывается, что она должна соответствовать многонациональному и многоконфессиональному характеру нашей страны. Государственный герб Российской Федерации содержит в себе христианский символ — крест, что чуждо верующему мусульманину. Проблема в том, что принять заслуженную им государственную награду или получить обязательный государственный документ, содержащие в себе этот символ, по сути, означает вступить в конфликт со своей религиозной совестью. «Российская умма ожидает от государства создания таких условий, чтобы мусульманин чувствовал себя полноправным российским гражданином, чтобы, защищая интересы государства, он чувствовал и понимал, что защищает свои собственные интересы: свою семью, землю, города и села, свою веру, традиции и обычаи», — говорится в документе[20].

Рассматривая указанные законодательные ограничения и канонические самоограничения религиозных организаций и их служителей на участие в деятельности государства и политических объединений с точки зрения *обеспечения практической реализации* конституционного принципа отделения религиозных организаций от государства (светскости государства), нетрудно понять, что в действительности у религиозных организаций остаются возможности опосредованного влияния на деятельность органов власти (и исполнительной, и законодательной). Во-первых, это реально в той мере, в какой политически активные верующие граждане присутствуют в депутатском корпусе, в государственных и муниципальных властных структурах и т.д. Можно сказать, что более или менее влиятельное «процерковное лобби» имелось в Государственной Думе Российской Федерации практически всех созывов, имеется оно и в ее нынешнем составе. Во-вторых, запрет для религиозных служителей (духовенства, пасторов, раввинов) на участие в деятельности органов власти, в избирательных кампаниях, на членство в политических партиях не распространяется на тех, кто не является таковыми, но работает в конфессиональных учреждениях. Так, во время избирательной кампании по выборам в Госдуму в 2003 г. в депутаты баллотировались референт московского Патриарха Н.И. Державин (по списку Народной партии Г. Райкова) и главный редактор журнала «Православная беседа», лидер Союза православных граждан В. Лебедев (от блока «Родина»). Правда, ни тот, ни другой депутатами не стали.

Таким образом, реализация принципа отделения религиозных организаций от государства чисто правовыми регуляторами не может быть гарантиро-

---

[17] См.: www.gazeta.ru/social/2010/08/20/3409301.shtml

[18] Российская газета. 2009. 7 апр. № 59 (4883).

[19] См., напр.: *Анашкина Т.Ю.* Проблемы новой российской символики в конфессиональном измерении (на примере использования царских регалий) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2. Кн. 1: Российское религиоведение начала XXI в. [Текст]: в 2 ч. / сост. и общ. ред. Ю.П. Зуева, З.П. Трофимовой, В.В. Шмидта, И.Н. Яблокова. М., 2010.

[20] Основные положения социальной программы российских мусульман (п. 8.3).

вана. В авторитарном (тоталитарном) государстве это зависит от политической воли высшей власти, в условиях демократии — от того, в какой мере секуляризировано общественное сознание, а также в какой степени правящий класс заинтересован в поддержке конфессиональных институтов.

Кроме того, толкование принципа отделения религиозных организаций от государства как неучастие религиозных служителей в работе органов власти на штатной основе не только легко преодолимо, но и носит лишь формальный характер. На самом же деле этот принцип означает невмешательство религиозных организаций в функции органов власти, ее институтов, ведомств и учреждений. С этой точки зрения, примером нарушения данного принципа является участие духовенства в акте принесения присяги военнослужащими, освящение боевой техники и вооружений, осуществление под видом пастырского окормления религиозно-нравственного просвещения контингентов воинских частей и т.п. Аналогичным образом складывается практика и в государственной системе образования. Покушением на данный принцип выглядит и готовность священноначалия РПЦ осуществлять экспертизу законопроектов, рассматриваемых в Государственной Думе.

Глава комитета Госдумы по труду и социальной политике А. Исаев в июле 2009 г. заявил о договоренности об этом с Московским Патриархатом: «Мы договорились о том, — сказал он, — что будем представлять Патриархии план законопроектной работы Госдумы и по всем вопросам, вызывающим хотя бы малейшие сомнения, проводить предварительные консультации, чтобы избежать взаимного недопонимания».

* * *

В последующие после принятия российскими конфессиональными центрами социальных концепций годы осмысление и углубленная проработка их положений продолжилась. РПЦ, сохранив в неприкосновенности текст «Основ...», выступила с несколькими официальными документами в развитие некоторых содержащихся в «Основах...» важных положений, в том числе и оказавшихся в центре общественного внимания. В 2008 г. Архиерейский собор утвердил «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», годом ранее Священный Синод одобрил «Концепцию миссионерской деятельности Русской Православной Церкви». Был разработан ряд других документов, в частности, по проблемам демографии и рождаемости, молодежной политики, религиозно-нравственного окормления православных военнослужащих и т.д. В 2004 г. VIII Всемирным Русским Народным Собором (представляющим собой общественно-церковный форум для обсуждения насущных с точки зрения священноначалия проблем общественной жизни) был принят «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании».

Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека — один из важнейших документов, принятых соборным решением Церкви за последнее десятилетие. Если точки зрения протестантов и мусульман в общем солидарны с присущим современному секулярному обществу пониманием прав и свобод человека, как они зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека ООН (1948 г.) и других международно-правовых документах, то РПЦ указывает на их односторонность, в частности, несбалансированность свобод и ответственности человека. Абсолютизируя внешнюю свободу, свободу выбора, оно недооценивает важность нравственного измерения свободы, т.е. внутренней свободы человека, которая несовместима с грехом. Свобода как политико-правовая норма и практика в секулярном обществе равно открыта и для добра, и для зла. Церковь настаивает на том, что права человека должны быть согласованы с нормами морали, общество и государство должны нравственно и правовыми средствами поощрять добро и ставить преграды на пути зла.

Хотя, как было сказано, в общем виде подходы РПЦ, с одной стороны, протестантов и мусульман — с другой, к проблеме прав и свобод человека не совпадают, однако, что касается их конкретного наполнения, понимания необходимости ограничения свободы для греховных дел, разрушающих нравственное здоровье личности и общества, оно скорее едино. Сложнее с достижением взаимопонимания религиозного и секулярного подходов к проблеме. Их исходные мировоззренческие позиции несовместимы. С христианской точки зрения, свобода человеческой личности укоренена в Боге, она есть одно из проявлений образа Божия. Секулярное сознание рассматривает свободу человека как его природное, сущностное достояние, никак не связанное с трансцендентным бытием.

Протестанты спустя пять лет после принятия своей «Социальной позиции...» осуществили ее второе издание (2009 г.), значительно расширив,

несколько изменив структуру, введя ряд новых тем. (Аналогичную работу провело и руководство Евро-Азиатского отделения Церкви христиан адвентистов седьмого дня над текстом своего социального учения и опубликовало его обновленную редакцию в 2009 г.) Во второй главе «Свобода совести, права и достоинство личности» вопрос о достоинстве личности выделен в самостоятельный параграф и изложен подробнее, нежели в первом издании; кроме того, появилась новая тема — отношение к рабству и торговле людьми (§ 4). В отличие от документа РПЦ, посвященного вопросу о достоинстве, свободе и правах человека, здесь отсутствует определение понятия «достоинство личности». По сути, под ним понимается то, что каждый человек, даже еще не рожденный, будучи носителем образа Божия, достоин уважения. Это является одним из важнейших критериев нравственного здоровья общества.

Неожиданным выглядит присутствие в новом издании «Социальной позиции Протестантских Церквей России» проблемы современного рабства и торговли людьми. Здесь говорится о том, что торговля людьми в настоящее время приобрела в мире угрожающие масштабы: «Россия также стала одной из стран, участвующих в поставках и транзите живого товара. Мы должны с горечью признать, что в нашей стране процветает рабство — сексуальное, экономическое, с иными преступными целями». В документе выражается готовность протестантских церквей «...протянуть руку помощи людям, которые стали жертвами преступного бизнеса». Для этого священнослужители, сотрудники религиозных организаций и верующие обучаются тому, как противодействовать торговле людьми (п. 2.4).

Представители Духовных управлений мусульман в Российской Федерации, входящих в состав СМР, также высказались за разработку концептуальных основ развития российской уммы в XXI в. в форме «Всеобщей концепции взаимодействия ислама, общества и государства в третьем тысячелетии»[21].

Таким образом, процесс концептуального осмысления современных тенденций общественно-политического развития, его актуальных проблем, призвания религиозных сообществ в их разрешении, начавшийся десять лет назад, продолжается.

© Зуев Ю.П., 2010

[21] См.: Резолюция по итогам Всероссийской конференции «Мусульманское духовенство и современные вызовы безопасности России» (М., 2010, 14 апр.) // Ислам Минбэре (Трибуна Ислама). 2010. № 4. С. 7.